

ЛИЗ ТРЕНАУ

СПЛЕТАЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ...

Эта история началась в 1910 году, в Лондоне. Искусная швея Мария получила работу в королевском дворце. Юная красавица приглянулась принцу Уэльскому и не устояла перед его чарами. Когда же секрет их любви раскрылся, Мария исчезла... Спустя многие годы начинающий дизайнер Каролина находит на чердаке бабушкино лоскутное одеяло. Лучшая подруга Каролины замечает на нем лоскутки уникального королевского шелка. Теперь девушка может собрать все фрагменты загадочной истории: любовь Марии, ее разлуку с принцем, исчезновение и талант, который разрушил ее счастье. Как чужая трагедия поможет Каролине отыскать собственное счастье?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4487-0

9 786171 244870

ЛИЗ ТРЕНАУ

Лоскутки

Судьбы

Лоскутки Судьбы

LIZ TRENOW

*Forgotten
Seamstress*

A NOVEL

ЛИЗ ТРЕНАУ

*Воскитки
судьбы*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Т66

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Hardman and Swainson”
и “The Van Lear Agency LLC”

Переведено по изданию:
Trenow L. *The Forgotten Seamstress : A novel* / Liz Trenow. —
London : Avon, 2014. — 400 p.

Перевод с английского *Сергея Майдукова*

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-4487-0
ISBN 978-0-00-748084-5 (англ.)

- © Liz Trenow, 2014
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Лиз Тренау — бывшая журналистка, которая пятнадцать лет проработала в региональных и общенациональных газетах Британии, а также на Би-би-си и в службе телевизионных новостей, прежде чем обратилась к художественной литературе. «Лоскутки судьбы» — это ее второй роман. Она живет в Восточной Англии с мужем-художником, и у них две взрослые дочери.

Весь этот роман является вымыслом. Имена, персонажи и события, описанные здесь, — плоды авторского воображения. Любые сходства с реальными личностями, живыми или умершими, с событиями или месторасположениями совершенно случайны.

Выражение признательности

Многие могут подумать, что для непрофессионала был изначально безрассудным замысел написать роман об узорчатом лоскутном одеяле как об одном из главных «героев», но мне невероятно повезло быть представленной настоящему эксперту в этом вопросе, своему учителю и соавтору Линн Эдвардс, кавалеру ордена Британской империи, которая восприняла мой проект с искренним энтузиазмом. Я с самого начала понимала, что в результате нашего сотрудничества на свет появится нечто значительное.

Имея глубокие знания и многолетний опыт, Линн доподлинно знала, какие ткани, техники и прочие секреты швейного производства Мария могла бы использовать в разные периоды своей жизни, и нам было очень интересно создавать с помощью нашего воображения ее лоскутное одеяло. Образец его представлен на моем веб-сайте по адресу: www.liztrenow.com, и мы обе будем бесконечно рады, если у кого-нибудь возникнет соблазн попробовать его воссоздать. Любые технические неточности в отношении описания в романе тканей, простежки и подборки узоров, конечно, полностью остаются на моей совести.

В подростковом возрасте я находилась на излечении в клиническом отделении больницы Северных островов

(Силверс) в пригороде своего родного города Колчестер, и этот короткий опыт навсегда остался в моей памяти. Своими исследованиями для написания этого романа я во многом обязана тем, кто создал веб-сайт www.severallshospital.co.uk с коллекцией исторических фотографий, и в частности писательнице и социологу Диане Гиттинс, автору замечательной монографии о работе в больницах под названием «Безумие на своем месте» (изд-во «Раутледж», 1998).

Огромное спасибо также Кейт Вигли и другим сотрудникам Уорнерского архива в Брейнтри, где мне был впервые представлен лоскут необычайно красивого шелка кремового цвета с серебряным шитьем, именно он расположился в центре лоскутного одеяла, а также связанного с ним повествования. Это был отрезок одного из так называемых майских шелков, изготовленных вручную для свадебного платья принцессы Май (впоследствии королевы Марии) компанией «Уорнер и сыновья» в 1893 году. Спасибо и миссис Берквер, познакомившей меня с тайнами сохранения тканей.

Обе мои дочери — Бекки и Полли — читали ранние наброски романа, и их впечатления стали весьма полезными и помогли мне проникнуть в сознание современной героини, тридцатилетней жительницы мегаполиса. Наконец, я очень признательна за поддержку и наставничество трем прекраснейшим женщинам: Каролине Хардман из литературного агентства «Хардман и Свейнсон» и двум моим редакторам из «ХарперКоллинс» — Каролине Хогг и ее заместительнице Лидии Ньюхауз, без которых эта книга никогда бы не вышла в свет.

*Посвящается Дэвиду, который, как обычно,
был постоянным источником любви и вдохновения.*

Лоскутное шитье (существительное):

1. Изделие, состоящее из кусков ткани разных цветов и форм, сшитых вместе.
2. В английском языке это означает также «ералаш», то есть нечто пестрое и разнородное.

Простегивать (глагол):

1. Подбивать ватой и прошивать что-либо (например лоскутное одеяло).
2. Сшивать вместе или покрывать ткань вышивкой, напоминающей лоскутное одеяло.
3. Шить, стегая, делая стежку.

ПИСЬМО ГЛАВНОГО ВРАЧА БОЛЬНИЦЫ ХЕЛЕН-ХОЛЛ,

2 АПРЕЛЯ 1970 ГОДА

Уважаемый доктор Мидоуз,
спасибо вам за письмо, касающееся вашей студентки Патриции Мортон. Мы всегда стараемся поддерживать исследовательские проекты и, безусловно, будем стремиться предоставить Патриции необходимые контакты и обеспечить ее любой информацией, которая ей потребуется.

Однако, прежде чем дать разрешение на ее практику в нашей больнице, мы хотели бы получить ваше личное письменное подтверждение того, что она будет соблюдать следующие требования:

- Все публикации о собеседованиях должны быть анонимными, без приведения данных, которые могли бы способствовать идентификации пациента или сотрудника.

- Ни один пациент не может быть опрошен без предварительного его осознанного согласия, а также без одобрения психиатрического консультанта и, при необходимости, ответственного члена семьи.

- Каждый сотрудник клиники перед беседой с ней должен получить предварительное письменное согласие своего непосредственного руководителя.

Что касается бывших сотрудников и пациентов больницы, то Истчестерская служба психического здоровья не имеет над ними юрисдикции, однако и здесь мы будем требовать получения ваших гарантий в том, что мисс Мортон станет соблюдать те же вышеизложенные условия конфиденциальности. Я убежден, что она и сама разумно признает, что при такого рода исследованиях как бывшие, так и нынешние пациенты являются не самым надежным источником информации. Большинство из них, если не все, страдают хроническими заболеваниями, которые могут проявляться в их убеждениях и взглядах, не имеющих ничего общего с действительностью или с обстоятельствами реальной жизни.

*С наилучшими пожеланиями,
доктор Джон Уоттс, главный лечащий врач больницы
Хелен-холл, Истчестер*

Глава первая

КАССЕТА 1, СТОРОНА 1, АПРЕЛЬ 1970 ГОДА

Мне сказали, что вы хотите узнать мою историю, узнать, почему я оказалась в этом месте. Это довольно сложный вопрос, и я задаю его себе на протяжении последних пятидесяти лет. Я, конечно, могу рассказать, как попала сюда и что со мной случилось. Но зачем? Тогда не станет тайны.

Звучит низкий, прокуренный голос, с сильным акцентом восточного Лондона, и в нем угадывается улыбка, как будто обладательница этого голоса в любую секунду готова зайтись смехом, переходящим в астматический кашель.

Вас, вероятно, предупредили насчет меня, сказали вам, что моя история является выдумкой. По крайней мере, хитротерапевт постарался убедить вас в этом.

Раздается другой голос, тщательно модулированный, принадлежащий хорошо образованной и гораздо более молодой женщине: «Хитротерапевт?».

Извините, дорогуша, так мы называли между собой психотерапевта в те давние дни. На все лады он твердил, что наши истории — он называл их фантазиями — являются воплощением «неудовлетворенных желаний».

«Тут вы не так уж ошибаетесь, — говорила я ему, сопровождая свои слова этаким подобострастным трепетом ресниц. — Я проторчала здесь бóльшую часть своей жизни, так что у меня полно неудовлетворенных желаний».

А он лишь улыбался и говорил: «Вам необходимо сосредоточиться на выздоровлении, моя дорогая, и смотреть не назад, а только вперед. Повторение и закрепление ваших фантазий свидетельствует о регрессивном поведении, и этому необходимо положить конец, или вы никогда не выйдете отсюда».

Можете оставить это, а можете выкинуть, дорогуша, но я должна рассказать об этом.

«А я очень хочу вас выслушать, вот почему я здесь».

Очень мило с вашей стороны, дорогуша. Видите ли, когда вы на протяжении многих лет отрезаны от реальной жизни, то *что* вам еще остается, кроме как вспоминать времена, когда вы были молоды, когда вы каждый день встречались с новыми людьми, когда вы имели право на чувства, когда вы жили по-настоящему? Что? Да ничего! Шитье и разного рода рукоделие были единственными занятиями, которые хоть как-то развлекали меня. Так что я рассказываю свою историю для всех, кто готов ее слушать, и мне плевать, если меня будут называть фантазеркой. Воспоминания о нем и ребенке, которого я потеряла, — это единственный способ сохранять свою связь с реальностью. Ну, с чего вы хотите, чтобы я начала?

«Лучше всего с самого начала. Запись уже ведется».

Вам придется повозиться со мной, дорогуша, ведь воспоминания займут определенное время, все это было так давно. В этом году мне исполнится семьдесят четыре года, а старые мозги работают не так хорошо, как хотелось бы. И все же я попытаюсь. Вы не возражаете, если

я буду заниматься шитьем во время рассказа? Это поможет мне сконцентрироваться и расслабиться. Я никогда не чувствую себя счастливой без иголки в руках. Это просто небольшая аппликация с обметкой внахлест — довольно простенькой. Предотвращает расползание ткани по краям, видите?

Она надсадно кашляет глубоким, хриплым кашлем заядлого курильщика.

Хм-м. Так-то лучше. Ладно, начнем.

Меня зовут Мария Романо, и я уверена, что моя мать была родом из Рима, хотя для меня остается загадкой, что заставило ее поменять этот прекрасный солнечный город на старый и мрачный лондонский Ист-Энд. Почему люди в Италии вырастают такими маленькими? Говорят, что моя мама была крошечной, да я и сама была не выше пяти футов в свои лучшие времена. Теперь я, наверное, стала гораздо ниже. Когда вы настолько малы, что у вас нет даже мизерного шанса победить в драке, то вам приходится иметь очень проворные ноги — это мой случай. Я танцевала повсюду, где выпадала такая возможность, что случалось нечасто, и я умела бегать быстрее ветра. Но было в моей жизни нечто такое, от чего даже я убежать не сумела, — это заведение оказалось одним из этого.

Странная вещь, но после многолетних мечтаний о том, чтобы выбраться отсюда, если только кому-то из нас это удастся, то ему всегда хочется вернуться обратно — здесь безопасно и окружают друзья. Это место стало моим домом. Когда начинаются разговоры о том, чтобы разослать нас жить по другим домам, то мне даже подумать об этом страшно, а раз меня это так пугает, то что можно сказать о настоящих сумасшедших? Как они выживут снаружи?

Вы ведь специализируетесь на соцопросах, не так ли? Что вы об этом думаете?

«Я буду рада побеседовать об этом позже, если хотите, но сейчас мы говорим о вас. Так что продолжайте, пожалуйста».

Я продолжу, раз вы настаиваете, хотя я никак не возьму в толк, что вы нашли такого интересного в такой маленькой старой леди, как я. О чем я говорила?

«О вашей матери».

Ах да, бедная мама. Еще одной причиной верить в то, что она была итальянкой, является цвет моих волос и кожи. Теперь я совсем седая и бледная, как моль, но в молодости моя кожа становилась летом настолько темной, что ходили шутки, будто я дегтем измазалась, а моим блестящим смоляным кудрям завидовали все девочки в сиротском приюте. Нора говорила, что мальчики считают меня настоящей красоткой, и я училась смотреть на них своими коричневыми глазами так, что они краснели и поспешно отводили взгляды.

«Значит, сиротский приют?»

О да! Мама умерла, когда мне было годика два, бедняжка. Не знаю точно, от чего она умерла, но в ту пору в бедных кварталах города ходило множество болезней, а о том, чтобы обратиться к врачу, даже речи не шло, во всяком случае, в наших кругах. Никто не выдавал беднякам антибиотик, не делал прививок и тому подобного — сегодня в это трудно поверить, но я рассказываю об очень старых временах, о самом начале двадцатого века.

Насколько мне известно, мой папаша, натешившись с мамой, пропал навсегда, и я никогда не слышала о своих дедушках и бабушках, так что, когда мамы не стало, я попала в Зámок — ну, так мы называли приют, потому

что здание было огромным и мрачным, со стрельчатыми окнами и этими, как их, такими загогулинами по верху стен, где полагалось бы быть крыше.

«Крепостными зубцами?»

Определенно это была крепость с высокими железными воротами и кирпичными стенами вокруг. Чтобы не подпускать опасных людей, как нам говорили, — это ведь был лондонский Ист-Энд, как-никак, — но мы знали, что стены были нужны, чтобы мы не слишком часто убегали. Там не было ни сада, ни деревьев, ни цветов, только бетонный двор, где нам разрешалось играть в хорошую погоду.

Внутри здания все было из темного дерева, полы были каменные, а наверх вела большая широкая лестница, доходившая до третьего или четвертого этажа; при своих маленьких ножках я чувствовала себя так, будто восхожу на небеса всякий раз, когда нас отправляли спать. Когда рассказываешь, это звучит несколько трагично, но я не помню, чтобы была там несчастна. Я не знала иной жизни, а там было тепло и хорошо кормили, и компания подобралась неплохая — некоторые из нас стали настоящими подругами.

Монахини поначалу казались нам, малышам, страшными в своих длинных черных рясах с рукавами, развевающимися, как крылья летучих мышей, когда они бежали по коридорам, чтобы выследить и наказать нас. При этом большинство из них были добрыми, хотя иногда попадались и злые. Неудивительно, учитывая то обстоятельство, что мужчин у них не было, а была только куча испорченных детишек.

В общем, начало моего пребывания в Замке было лучше, чем жизнь с моей несчастной матерью, это я гарантирую. Жаль, что нельзя сказать то же самое о конце.

Главным в жизни монахинь было учить нашу пеструю компанию хорошим манерам, основам чтения и письма, а также готовить еду, вести домашнее хозяйство и заниматься рукоделием, чтобы, повзрослев, мы могли куда-нибудь устроиться служанками, что я, собственно говоря, и сделала. Особенно я любила шитье. Оно мне давалось легко, и мне нравилось, что мое мастерство привлекает ко мне внимание.

«Это дар Божий», — твердили монахини, но лично я так не считала. Просто у меня были тонкие пальцы, к тому же я и старалась больше других, и должным образом училась шитью. Все время мира было в нашем распоряжении, вот так. Вы когда-нибудь шили, мисс? *«Честно говоря, нет, я все больше работаю со словами».*

А следовало бы попробовать. Нет большего удовольствия, чем взять кусок никому не нужного старого шерстяного одеяла и сотворить из него превосходное пальто, которое много зим подряд будет согревать ребенка. Или состегать вместе лоскуты хлопчатобумажного одеяла, чтобы сделать уютное покрывало для кровати, которое вовсе не выглядит неряшливо и замечательно украшает комнату.

В швейной мастерской Замка стояли длинные раскройные столы, а окна располагались так высоко, что из них ничего нельзя было увидеть. Там мы проводили почти все свои дни. Зимой мы сбивались в толпу возле печки в углу, летом разбивались на кучки по всей комнате, чтобы иметь возможность поболтать подальше от ушей монахинь, обладавших острым, как булавки, слухом.

Все работы велись вручную, имейте в виду, никаких швейных машинок в те дни, конечно, не было. И к тому времени, когда мне исполнилось десять лет, я уже знала,

какая иголка для какой ткани предназначается и какую нитку выбрать, я умела делать дюжину разных швов, начиная от простых сметочных стежек или сдвоенных строчек и заканчивая таким стильным шитьем, как «колоски» и «французские узелки», и я умела делать их столь тщательно и столь искусно, что сложно было поверить в то, что они созданы человеческими руками.

Сестра Мэри была хорошей учительницей, она любила свой предмет, и, я полагаю, она заразила нас своим энтузиазмом, потому что очень скоро я могла распознать любую материю с закрытыми глазами, просто на ощупь, назвать разницу между крепом и батистом, галатеей и бумазеей, сукном и сермягой, бархатом и вельветом и сказать, что лучше использовать для той или иной работы.

Не то чтобы мы видели много хороших тканей, учтите, это были в основном гладкая шерсть и хлопок, причем по большей части бывшие в употреблении, такие, что брались от старой одежды или обивки. Но при случае из местной галантереи доставлялись рулоны набивного ситца или обрезки шерстяных выкроек, которые не находили своего применения; думаю, это была такого рода благотворительность в пользу нас, бедных сироток, и в пользу тех детишек, для которых мы шили одежду.

Кажется, вы озадачены? Извините, я слишком увлеклась воспоминаниями. Причина, по которой мы были так заняты шитьем в Замке, заключалась в том, что важные дамы из Лондонского общества рукоделия попросили монахинь помочь им в их благородном начинании, которое заключалось в изготовлении одежды для бедняков. Из-за этого мы ощущали себя особенными: у нас в жизни не было ничего, кроме нашего мастерства, и мы

пользовались им, чтобы помогать таким же бедным людям, как мы сами.

Дни, когда приезжали галантерейщики, превращались в праздники, как будто одновременно отмечаешь день рождения и Рождество: мы разбирали рулоны материи, рассматривали цвета и узоры и дышали этим чудесным запахом новой ткани, свежей, как белье, вывешенное на просушку, — ничто не может заглушить этот запах даже теперь. Когда мы вырастали из нашей одежды, монахини выдавали нам отрезки тканей, чтобы мы могли пошить себе платья и юбки, и мы с Норой всегда выбирали самые яркие узоры с цветами. В жизни мы видели не так уж много настоящих цветов, так что это давало нам ощущение весны.

«Нора? Вы уже тогда были знакомы?»

О да, вернемся к началу. Она была моей лучшей подругой. Насколько я знаю, мы были примерно одного возраста и всегда делили одну спальню, звали друг друга сестрами — на семейный лад, а не как монахини — и клялись, что никогда не расстанемся. Не то чтобы мы смотрелись внешне как родные: она была блондинкой и к тому времени, когда нам было по четырнадцать, была выше на голову при своем росте метр пятьдесят восемь, ее длинные ноги позволяли ей всегда быть впереди, а хохотала она так заразительно, что все вокруг, включая монахинь, улыбались. Руки у нее тоже были большие, в два раза длиннее моих, но это не мешало ей быть прекрасной портнихой. Мы были вредными, проказливыми девчонками, но нам все сходило с рук, потому что мы усердно трудились.

Как я уже говорила, мы были счастливы, потому что не знали иной жизни, но постепенно мы выросли, хотя моя грудь была по-прежнему плоской, а пипка

гладкой, как младенческая попка. Зато у Норы уже отросли груди и волосы как внизу, так и под мышками, и мы обе начали заглядываться то на сына садовника, то на мальчишку-рассыльного из пекарни всякий раз, когда монахини за нами не следили.

В тот день мы занимались своим рукоделием, когда вдруг появилась знатная леди в большой шляпе с перьями на макушке, в сопровождении целой толпы расфуфыренных подруг, это было что-то типа великосветского визита. Неожиданно леди склоняется над моим шитьем и говорит: «Отличные стежки, дорогая, где ты этому научилась?».

А я отвечаю: «Это гирлянда маргариток, мэм. Хотите посмотреть, какой она получится?».

И я соединяю маргаритку с тремя другими, расположенными по кругу, как им и положено, и быстро приделываю стебель и листок, все это получается очень даже неплохо, хотя мои пальцы дрожат и потеют оттого, что за ними наблюдает такая важная особа. Она хранила молчание, пока я завершала работу, а потом голосом, полным очарования, и с таким, знаете, иностранным акцентом произнесла: «Это очень здорово, дорогая, очень мило. Продолжай работать так же хорошо», — и, когда она прошла мимо меня, чтобы пообщаться с другой девочкой, я вдохнула ее запах — будто запах сада, полного роз, — аромат, которого я никогда ранее у людей не встречала.

Позже я слышала, что она расспрашивала сестру Мэри обо мне и Норе, хорошие ли мы девочки и тому подобное, но мы вскоре забыли о ней. А происходило это за несколько дней до моего дня рождения — мне исполнилось пятнадцать в январе 1911 года, — и тут меня с Норой, чей день рождения случился неделей раньше, вызывают к сестре Беатрис, главной монахине (обычно

подобное случается только в тех случаях, когда кто-то из нас делает что-нибудь ужасное, например, божится много раз подряд или засыпает во время молитвы). Так что вы можете представить наше состояние, когда мы с Норой поднимались по лестнице и, пройдя длинный коридор, застланный красной ковровой дорожкой, остановились перед дубовой резной дверью, похожей на сборки по краям ткани. Я находилась в такой панике, что была близка к обмороку, тогда как Нора, должна заметить, лишь пыталась сдерживать смех, разбирающий ее всегда, когда она сильно нервничала.

Монахиня позвала нас внутрь и пригласила сесть на кожаные кресла, такие высокие, что мои ноги не доставали до пола и мне пришлось очень сосредоточиться, чтобы не болтать ими в воздухе, потому что я знала, что это раздражает взрослых больше, чем что-либо другое.

Сестра Беатрис обращается ко мне первой.

«Мисс Романо? Кажется, сегодня у тебя день рождения?» — спросила она, а я была так ошарашена обращением «мисс», что не придумала ответа удачнее, чем: «Да, мэм».

«В таком случае да благословит тебя Бог, дитя, и позволь мне пожелать тебе, чтобы подобных дней в твоей жизни было как можно больше», — сказала она, слегка улыбаясь.

«Спасибо, мэм», — ответила я, стараясь не замечать, как сотрясается тело Норы рядом.

«Мисс Физерстоун?» — произнесла монахиня, и я знала, что если только Нора откроет рот, то ее смех вырвется наружу, поэтому она просто кивнула, низко опустив голову. Но это нисколько не смутило сестру Беатрис, которая просто сказала нам: «Насколько я понимаю, вы хорошие подруги, не так ли?». Я кивнула за нас обеих,

и она продолжила: «Я слышала много хорошего о вас, особенно о ваших успехах в рукоделии, и у меня есть для вас отличные новости».

Монахиня поведала нам, что та важная дама, которая приезжала несколько месяцев назад, носит титул герцогини и, являясь главой общества рукоделия, инспектировала работу, которая ведется в монастыре в пользу бедных детей города. Герцогиню так впечатлили вышивки, которые ей продемонстрировали я и Нора, что она поручила своей домоправительнице провести с нами собеседование на предмет принятия нас на работу.

Герцогиня! Можете себе представить, в какой восторг мы пришли, но и страх тоже присутствовал, потому что мы понятия не имели, чего ожидать, и тогда всю заработало наше воображение. Мы будем жить в большом прекрасном доме с огромным садом, где станем шить наряды для очень важных персон, и Нора влюбится в одного из шоферов, ну а я подняла планку выше, остановив свой выбор на улане кавалерийской бригады в красном мундире или на джентльмене из Сити в шляпе-котелке. В любом случае мы обе собирались обзавестись своими собственными уютными домами по соседству друг с другом, чтобы возле наших домов были небольшие садики, в которых можно выращивать цветы и всякую вкуснятину, и чтобы у нас было много детишек, которые смогут играть вместе, пока мы будем наслаждаться жизнью.

Тут следует пауза. Она громко прочищает горло.

Извините, мисс, вы не возражаете, если я закурю?

«Пожалуйста, если хотите. Давайте сделаем небольшой перерыв».

Нет, лучше я закурю и продолжу, потому что если я прервусь, то утрачу нить.

Открывается сигаретная пачка, звучит щелчок зажигалки, долгая затяжка и выдох дыма из легких. Потом она откашливается и опять приступает к повествованию.

Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день, когда домоправительница герцогини приехала повидаться с нами. Нам позволили принять специально приготовленную для нас ванну, а потом одеться в наши лучшие платья из набивного ситца, и сестра Мэри помогла нам заколоть волосы в узлы на затылке, как у настоящей домашней прислуги, а сверху были прицеплены белые кружевные чепчики. В одиннадцать часов нас опять позвали в кабинет сестры Беатрис. Она осмотрела нас с головы до ног и прочла нам лекцию о том, как вести себя с гостьей, не пялиться пристально, но и не отводить взгляды, когда она будет говорить с нами, не заговаривать самим, если нас не спросят, отвечать четко и не слишком длинно. Тут она окидывает Нору особым зловещим взглядом и произносит слова медленно, чуть ли не по слогам, дабы быть уверенной, что мы поняли: «*Всякие хихоньки аб-со-лют-но недопустимы*».

«Ваше поведение сегодняшним утром предопределяет ваше будущее, юные леди, — подытожила она. — Не упустите такую возможность».

Она заговорила о том, что, если мы хотим быть избранными, мы должны выполнять свою работу безукоризненно и никогда не жаловаться и не огрызаться, иначе окажемся на улице, и в этом случае мы больше никогда не сможем вернуться в Замок. Мои радужные надежды поблекли. Мы так нервничали, что даже Нора прекратила смеяться.

Домоправительница была огромной, как гора, женщиной, толщина которой практически равнялась ее росту,

ее злобные глазки сверкали, как пара черных пуговиц, а разговаривала она с нами таким голосом, будто отдавала приказы на поле боя. Ей захотелось увидеть больше образцов нашего рукоделия, потому что, как она пояснила, нам предстоит шить для высочайшего общества.

«Высочайшего общества? — спросила Нора шепотом, пока мы семенили по коридорам в швейную мастерскую, где хранились наши работы. — Что, черт подери, это значит?»

«Не имею представления», — ответила я.

Мой мозг был охвачен страхом, и я не могла ни о чем думать из-за обилия беспорядочных мыслей.

Нам велели положить работы на стол сестры Беатрис, и женщина-гора обрушила на нас град вопросов: как называются те или иные ткани, какие иголки мы используем и какие нитки, почему в данном случае мы применили именно такие стежки, что мы думаем о конечном результате? Мы отвечали, изо всех сил стараясь говорить доходчиво, при этом не слишком умничать, точно так, как учила нас сестра.

Один из моих образцов представлял собой заготовку лоскутного одеяла. К этому времени я закончила лишь пару дюжин шестиугольников, но была довольна тем, как они подогнаны, и, когда я показала гостье будущий узор, сделанный цветными мелками на квадратном куске картона, она воскликнула: «У этого ребенка есть и определенный художественный талант!»

«Действительно, — откликнулась сестра Беатрис, — мисс Романо — одна из наших лучших белошвеек».

Мое лицо запылало от гордости.

Когда домоправительница села и бедное старое кресло жалобно затрещало, к Норе вернулась смешливость, и ее

плечи тряслись, пока сестра Беатрис наливала чай. Не нам, как вы сами понимаете. Мы просто стояли и ждали, и мое сердце колотилось так, словно я бегом поднялась по всем четырем лестничным пролетам Замка. Они тем временем пили свой чай маленькими глоточками, знаете, такими аристократичными. Домоправительница успела съесть четыре бисквита за то время, пока читала нам лекцию о том, что мы должны *соответствовать*, как она выразилась, если будем удостоены статуса домашней прислуги герцогини, а именно: не задавать встречных вопросов, никуда и никогда не опаздывать, не сидеть ни одной лишней секунды за столом, не курить, не заводить знакомства с лицами мужского пола, ежедневно носить униформу и содержать ее в чистоте и порядке, мыть руки, умывать лицо, зачесывать волосы — всегда наверх, чтобы не висели всякие лохмы.

Когда она умолкла, наступила пауза, и я была уже готова воскликнуть, что, мол, мы хорошие девочки, очень послушные девочки, но она со звяканьем поставила на стол чашку с блюдцем, повернулась к сестре Беатрис и сказала: «Я полагаю, что эта пара прекрасно подойдет. Наш кучер приедет послезавтра, чтобы забрать их».

О, это была захватывающая поездка! Не забывайте, что мы проторчали в Замке бóльшую часть своей жизни, никогда не сидели в экипаже и никогда не покидали пределов Ист-Энда. На протяжении всего пути мы просто впивались глазами в удивительные вещи за окном, наблюдали за людьми, делающими покупки, развешивающими на просушку белье, за играющими детьми. На одном отрезке пути мы проехали фабрику, где как раз закончился рабочий день, и попали в самую гущу мужчин на велосипедах — они казались нам похожими на

гигантских насекомых, и их было так много, что мы вскоре потеряли им счет. Они видели, что мы тарачимся на них сквозь стекла экипажа, и махали нам, виляя из стороны в сторону, и было странно ощущать, что нас замечают, хотя при этом мы остаемся почти невидимыми.

Это было хорошо, что мы отвлеклись, потому что к моменту прощания с Заком мы обе плакали навзрыд. Странно, не так ли, что вы проводите где-то много лет, мечтая вырваться оттуда, а когда это случается, то вам сразу хочется обратно? Не то чтобы я испытывала какую-то особую привязанность к этому месту. Хотя было бы забавно побывать там сегодня, скажу я вам.

«Было очень любезно с вашей стороны взять на себя труд встретиться со мной».

Даже не говорите об этом, дорогуша! Надо же чем-то занять день, как говорила Нора. Так на чем мы остановились?

«Вам было грустно покидать Замок».

Ах да, тамошние монахини были очень добры, о чем я, кажется, упоминала, — простите меня за дырявую память, дорогуша, — хотя они никогда не показывали этого, до самой последней минуты, когда сестра Мэри и сестра Беатрис крепко обняли нас и вложили маленькие свертки в наши руки. Я чуть не задохнулась среди их черных складок, но это и заставило меня расплакаться: прощание с монахинями показало, как сильно они дорожили нами на самом деле. Мы помахали остальным детям, глядящим на нас из окон, и забрались в экипаж вместе с сопровождавшей нас сестрой Эмили, которая, как сказала сестра Беатрис, была приставлена к нам в качестве наставницы.

Через некоторое время старые грязные улицы Ист-Энда сменились чистыми широкими дорогами с тротуарами

для прохожих и высокими красивыми зданиями по обе стороны.

«Я не знала, что мы направляемся за город», — шепнула мне Нора, со своего места в экипаже указывая рукой в сторону. Туда, где зеленела трава, расстилались кусты и деревья, тянувшиеся так далеко, насколько хватало глаз, и попадались даже всадники на лошадях. Вдоль обочин росли самые настоящие цветы, образуя пестрые разноцветные ковры, такие яркие, что и описать невозможно. Еще прекраснее, чем узорчатые ткани, которые нам так нравились.

«Это Гайд-парк, глупышка, — сказала Эмили, отличавшаяся острым слухом, — место, куда знатные леди и джентльмены приходят подышать свежим воздухом, пройтись или покататься».

Это пояснение заставило притихнуть нас обеих — потрясала сама мысль о том, что можно проводить время, беспрепятственно гуляя в таком красивом зеленом парке, — и это произошло незадолго до того, как экипаж, проехав мимо длинной высокой стены, замедлил ход перед въездом в ворота, по обеим сторонам которых стояли привратники, и, сделав круг, подъехал к черному входу дома столь высокого, что мне пришлось наклонить голову к низу окна экипажа, чтобы увидеть крышу. Мы остановились — это означало, что мы прибыли на место.

Голос умолкает, и кассета пару раз скрипуче прокручивается, после чего пленка заканчивается и диктофон, отключаясь, издает громкий щелчок.

Глава вторая

ЛОНДОН, ЯНВАРЬ 2008 ГОДА

— Состояние критическое, дорогая доченька. На следующей неделе приезжают люди из «Уютного Дома», а они предупредили, что я должна расчистить чердак, прежде чем они появятся здесь. Питер вызвался подсобить мне, знаешь, он из той породы мужчин, которые чуть что сразу обещают помочь, но вместо этого он уехал и повредил спину, так что теперь не приедет, и я совершенно не знаю, что делать...

Моей матери Элеоноре семьдесят три года, и память начинает подводить ее, так что приходится быть осторожной, чтобы не огорчать маму. Плюс к этому она всегда нервничает, когда разговаривает по телефону.

— Не так быстро, мама, — прошептала я, не слишком довольная тем обстоятельством, что она звонит мне на работу. В офисе было непривычно тихо — наступил тот послерожественский период расслабленности, когда все мрачно дремлют за своими столами, притворяясь чрезвычайно занятыми, хотя на самом деле все тайком отлынивают от любой работы. — Тебе придется объяснить, о чем идет речь. Для начала, кто такие эти люди из «Уютного Дома»?

— Специалисты по изоляции. Они выполняют работы совершенно бесплатно для тех, кому за семьдесят,

представь себе, и они сказали, что сократят мои траты на обогрев на четверть, а ты знаешь, какие дела творятся с нефтью в последнее время, так что я не стала отказываться, с какой стати? Да я же тебе рассказывала, я прекрасно помню.

Я напрягла свою память. Возможно, она действительно рассказывала, но при всем том, что произошло за несколько последних дней, я могла запросто это забыть. Сразу по возвращении после каникул мы получили по электронной почте письма с уведомлением об очередном витке сокращений. Счастливого Рождества, всем вместе и каждому в отдельности! Наш моральный дух оказался ниже плинтуса, и фабрика слухов работала без остановки. К дополнительной радости, на следующей неделе нас ожидало собеседование с некоторыми из тех напыщенных, щедро оплачиваемых консультантов, которых наняла компания.

На самом деле мне не слишком нравилось работать здесь — это была всего лишь временная работа, позволявшая заработать достаточно денег, чтобы со временем начать свой собственный бизнес по внутреннему дизайну. Однако здешний снобизм, напряженная обстановка, ежедневные разочарования и крайне сжатые сроки — все это враз оказалось вполне терпимым, стоило мне увидеть количество нулей на извещении о моей месячной зарплате и о моих годовых премиальных. Финансовые поощрения были слишком щедрыми, чтобы вот так легко от них отказаться. Особенно теперь, когда я стала одинокой женщиной с огромным ипотечным кредитом, который было необходимо как-то погашать.

— Не волнуйся, мама, — сказала я, рассеянно изучая веб-сайт агентства по трудоустройству на своем экра-

не. — Я все равно планировала приехать к тебе на выходные. Думаю, мы сможем навести порядок на чердаке за несколько часов.

До меня донесся вздох облегчения:

— О, так ты приедешь, моя дорогая девочка? Знала бы ты, какая тяжесть свалилась с моих плеч!

* * *

По сути, моему минивэну ничего не стоит доехать до «Рябинового коттеджа», служившего мне домом на протяжении первых восемнадцати лет моей жизни. Мои родители перебрались сюда в шестидесятых годах, после того как поженились и мой отец был принят на работу в новый университет, недавно открывшийся в предместье Истчестера. Ему было уже за пятьдесят, и разница в возрасте родителей составляла двадцать пять лет — они познакомились в университетском колледже Лондона, где он был руководителем маминой докторской диссертации, — но это был брак по очень большой любви. Я родилась пять лет спустя, к огромной радости обоих.

Когда мне было три года, мои отец и дед погибли в ужасном лобовом столкновении на шоссе А-12 во время сильного тумана. Все, что я помню о той страшной ночи, это двух здоровенных полисменов у двери и женщину-офицера, которая держала меня, когда мама потеряла сознание. Женщина взяла меня за руку и повела по переулку, прямо в том, в чем я была, — в пижаме и тапочках, вцепившуюся в своего любимого плюшевого медведя, — в поисках соседей, которые могли бы за мной присмотреть.

Мой дед занимал тогда довольно высокий пост в местной полиции, а отец был к тому времени известным академи-

ком, так что происшествие широко освещалось в прессе, хотя причина его не объяснялась. Когда мне исполнилось семнадцать и я начала брать уроки вождения, я часто расспрашивала маму, кто был за рулем той ночью, и кто еще при этом находился, и чья вообще это была вина, но ее глаза туманились болью.

— Мы никогда не узнаем правду, дорогая. Это было так давно. Лучше не будить спящую собаку, — вот и все, что она говорила по этому поводу.

Благодаря тому, что жизнь моего отца была застрахована, матери удавалось содержать дом в надлежащем состоянии и, развешивая его фотографии в каждой комнате и постоянно говоря о нем, создавать иллюзию того, что его душа живет. Он выглядел типичным ученым шестидесятых, в своих очках в золотой оправе, одетый в мешковатый пиджак из зеленого вельвета с кожаными заплатками на локтях, часто погружавшийся с головой в очередную книгу или журнал. Мама всегда говорила, что запала на него из-за его синих глаз, до того ярких, что ей казалось, будто они искрятся ласковыми волшебными лучами всякий раз, когда он смотрел на нее. Таким он и остался в памяти, как бы застывший во времени: покуривающий свою трубку, играющий в крикет на семейном празднике, сидящий в машине с нашей маленькой собачкой Скотти на коленях.

На всех фотографиях он позировал с неизменной улыбкой, хотя было заметно, что, несмотря на свой веселый нрав, он способен проявлять нетерпимость и высокомерие — черты, которые от него, увы, передались и мне. Я унаследовала от отца также хрупкое сложение, светлые волосы, голубые глаза и бледную кожу, хотя те гены, которые обеспечили его велико-

Содержание

Выражение признательности	9
Глава первая. Кассета 1, сторона 1, апрель 1970 года . . .	13
Глава вторая. Лондон, январь 2008 года	29
Глава третья. Кассета 1, сторона 2	44
Глава четвертая. Лондон, 2008 год	60
Глава пятая. Кассета 2, сторона 1	78
Глава шестая. Лондон, 2008 год	93
Глава седьмая. Кассета 2, сторона 2	117
Глава восьмая. Лондон, 2008 год	134
Глава девятая. Кассета 3, сторона 1	153
Глава десятая. Лондон, 2008 год	167
Глава одиннадцатая. Кассета 3, сторона 2	181
Глава двенадцатая. Лондон, 2008 год	203
Глава тринадцатая	222
Глава четырнадцатая. Кассета 4, сторона 1	243
Глава пятнадцатая	269
Глава шестнадцатая	292
Глава семнадцатая	322
Глава восемнадцатая	344
Глава девятнадцатая	373

Літературно-художнє видання

ТРЕНАУ Ліз
Клаптики долі
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 05.02.2018.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 41,16.
Наклад 7000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ТРЕНАУ Лиз
Лоскутки судьбы

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 05.02.2018.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 41,16.
Тираж 7000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Ця історія розпочалася в 1910 році, у Лондоні. Майстерна швачка Марія отримала роботу в королівському палаці. Юну красуню вполював принц Уельський, і дівчина не встояла перед його чарами. Коли ж секрет їхнього кохання розкрився, Марія зникла... Через багато років дизайнер-початківець Кароліна знаходить на горіщі бабусину клаптеву ковдру. Краща подруга Кароліни помічає в ній клаптики унікального королівського шовку. Тепер дівчина може зібрати всі фрагменти загадкової історії: любов Марії, її розлуку з принцом, зникнення і талант, який зруйнував її щастя. Як чужа трагедія допоможе Кароліні відшукати власне щастя?

Тренау Л.

Т66 Лоскутки судьбы / Лиз Тренау ; пер. с англ. Сергея Майдукова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 384 с.

ISBN 978-617-12-4487-0

ISBN 978-0-00-748084-5 (англ.)

Эта история началась в 1910 году, в Лондоне. Искусная швея Мария получила работу в королевском дворце. Юная красавица приглянулась принцу Уэльскому и не устояла перед его чарами. Когда же секрет их любви раскрылся, Мария исчезла... Спустя многие годы начинающий дизайнер Каролина находит на чердаке бабушкино лоскутное одеяло. Лучшая подруга Каролины замечает на нем лоскутки уникального королевского шелка. Теперь девушка может собрать все фрагменты загадочной истории: любовь Марии, ее разлуку с принцем, исчезновение и талант, который разрушил ее счастье. Как чужая трагедия поможет Каролине отыскать собственное счастье?

УДК 821.111